

С.В. Малая

Лермонтов Михаил Юрьевич

Русский поэт и прозаик

15.10.1814 (Москва) — 27.07.1841 (Пятигорск)

Все даты приводятся по старому стилю.

Герцог Лерма и Томас Рифмач

В ранней юности М.Ю. Лермонтов считал своим предком средневекового испанского герцога Лерму, рисовал его портреты, письма подписывал «М. Lerma» и впоследствии безуспешно обращался с запросом в мадридский архив.

На самом деле, родоначальники фамилии Лермонтовых — шотландские Лермонты. Михаил Юрьевич что-то слышал об этом от своего отца, но документ, проясняющий родословную, был найден уже после гибели поэта.

В XI веке король Малькольм пожаловал рыцарю Лермонту, участвовавшему в походе против узурпатора Макбета, имение в Шотландии — «в Шкотской земле», как говорится в поколенной росписи, составленной внуками Георга Лермонта, который в 1613 году поступил на военную службу в Московском государстве.

В середине XVII века шотландские Лермонты породнились с Гордонами, предками Джорджа Гордона Байрона по материнской линии. Даже догадка о родстве со своим идеалом и демоном несказанно воодушевила бы Михаила Лермонтова.

Наверное, кроме мечтаний о герцоге Лерма, он имел другое чудесное предположение. Известно, что, обучаясь английскому языку, Лермонтов читал баллады Вальтера Скотта, и, скорее всего, в их числе — «Томаса Рифмача» («Thomas the Rhymer»). Легендарного шотландского барда Томаса Лермонта, прозванного Рифмачом, в конце его жизни королева эльфов забрала в свою волшебную страну.

«В аллею темную вхожу...»

Михаил Лермонтов родился в Москве, в доме на Красноворотной площади, в ночь со 2 на 3 октября. О матери он мог помнить немногое. «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать». Мария Михайловна Лермонтова, урожденная Арсеньева, умерла в возрасте двадцати двух лет от чахотки. Жестокая распря между бабушкой поэта, Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, и его отцом, отставным капитаном Юрием Петровичем Лермонтовым, быстро привела к тому, что воспитанием мальчика единолично занялась бабушка, которая любила внука безгранично и властно. Разлуку с отцом Лермонтов всю жизнь воспринимал как тягостное проклятие.

Е.А. Арсеньева владела селом Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии. В основном здесь прошли детские годы Лермонтова.

Дважды Елизавета Алексеевна возила внука на Кавказские Минеральные Воды для лечения от золотухи и невольно открыла ему сердечное пристанище всей его жизни. «Синие горы Кавказа... Вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе».

Осенью 1827 года Арсеньева переехала в Москву, в дом на Поварской улице, к внуку пригласила учителей и гувернера. Через год Лермонтов был зачислен полупансионером четвертого класса в Московский университетский благородный пансион, где учился «разным языкам, искусствам... нравственным, математическим и словесным наукам... с весьма хорошими успехами». Ко времени увольнения из пансиона он написал несколько поэм: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар» и начальный вариант «Демона».

В сентябре 1830 года Лермонтов поступил на нравственно-политическое отделение Московского университета, и тогда же одно из его стихотворений впервые появилось

в печати. Во втором семестре он перевелся на словесное отделение, но на лекциях бывал нерегулярно, среди студентов держался особняком и, наконец, после пререканий с экзаменаторами подал прошение об увольнении «по домашним обстоятельствам».

Строки «Я жить хочу! хочу печали / Любви и счастью назло...» датированы июлем 1832 года; началом сентября — «Белеет парус одинокой / В тумане моря голубом!..» В ноябре в Петербурге Лермонтов зачисляется в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

Серебряные шпоры

Юнкерская школа находилась на набережной Мойки, у Синего моста. Ее воспитанники изучали военный устав, артиллерию, фортификацию, математику, историю, французский язык и другие дисциплины, летом и осенью выезжали на маневры. Выходные дни и прочее свободное время юнкера проводили вольно и весело. Лермонтов, по здешнему прозвищу «Маёшка», участвовал во множестве шалостей и пирушек.

«Мальчик молоденький, – писала родственнице Елизавета Алексеевна, – в хорошей компании и научится хорошему, а ежели только будет знаться с молодыми офицерами, то толку много не будет».

В годы пребывания в юнкерской школе и лейб-гвардии Гусарском полку Лермонтов сочинил не для печати, а для чтения в приятельском кругу поэмы «Петергофский праздник», «Уланша», «Гошпиталь», стихотворения «Юнкерская молитва», «На серебряные шпоры / Я в раздумии гляжу...» В то же время он серьезно работал над драмой «Маскарад», романом «Княгиня Лиговская», повестью в стихах «Сашка» и новой редакцией «Демона».

27 января 1837 года был смертельно ранен на дуэли Александр Сергеевич Пушкин. 28 января Лермонтов написал первые пятьдесят шесть строк стихотворения «Смерть Поэта», которые на следующий же день в тысячах списков распространились по Петербургу. 7 февраля Лермонтов добавил к стихотворению шестнадцать заключительных строк («А вы, надменные потомки / Известной подлостью прославленных отцов...») и через несколько дней был арестован. Шеф жандармов, начальник III Отделения и дальний родственник Арсеньевой А.Х. Бенкендорф составил для государя докладную: «Вступление к сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство». Николай Павлович наложил резолюцию: «Пока что, я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого молодого человека и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону». 25 февраля вышло высочайшее повеление. До известной степени оно успокоило Арсеньеву, боявшуюся более строгого наказания для своего внука: «Мишенька по молодости и ветрености написал стихи на смерть Пушкина и в конце написал неприлично насчет придворных. Государь изволил выписать его тем же чином в Нижегородский драгунский полк в Грузию».

На Кавказе шла затяжная, или, по выражению генерал-майора Михаила Орлова, «вечная», война. Впрочем, многие молодые офицеры стремились попасть на Кавказскую Линию ради чинов и лавров. Лермонтов пробыл в ссылке восемь месяцев, в военных действиях, по стечению обстоятельств, участия не принимал, «изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил Кахетинское даже», написал «Казачью колыбельную», сказку «Ашик-Кериб» и решил перенести на Кавказ действие поэмы «Демон».

Осенью 1838 года, стараниями бабушки, корнет Лермонтов был переведен в Новгород, а затем и в Царское Село.

Герой своего времени

По возвращении в Петербург Лермонтов стал чаще ездить в свет, но более дружеский прием находил в доме у Карамзиных, у 2-й Смирновой и князя Одоевского. Литературная деятельность его увеличилась. Он писал много мелких лирических стихотворений, переделал в третий раз поэму «Демон», окончил драму «Маскарад», переделал давно написанную им поэму «Мцыри» и еще несколько пьес, которые теперь не упомяну; начал роман «Герой нашего времени». Словом, это была самая деятельная эпоха его жизни в литературном отношении».

А.П. Шан-Гирей,
троюродный брат и близкий друг Лермонтова

При дворе «Демон» не стяжал особой благосклонности... Высокие особы, которые удостоили поэму прочтения, отозвались так: «Поэма — слов нет, хороша, но сюжет ее не особенно приятен. Отчего Лермонтов не пишет в стиле “Бородина” или “Песни про царя Ивана Васильевича”?» Великий же князь Михаил Павлович, отличавшийся, как известно, остроумием, возвращая поэму, сказал: «Были у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит, нечистой силы прибыло. Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли — духа зла или же дух зла — Лермонтова?»

Д.А. Столыпин и А.В. Васильев.
Воспоминания. В пересказе П.К. Мартынова

Лермонтов был брюнет, с бледно желтоватым лицом, с черными как уголь глазами, взгляд которых, как он сам выразился о Печорине, был иногда тяжел. Невысокого роста, широкоплечий, он не был красив, но почему-то внимание каждого, и не знавшего, кто он, невольно на нем останавливалось... В обществе Лермонтов был очень злоречив, но душу имел добрую: как его товарищ, знавший его близко, я в том убежден.

А.М. Меринский,
однокашник Лермонтова по юнкерской школе

Я видела его еще... в 1839 году; он уже написал своего «Героя нашего времени», где в лице Печорина изобразил самого себя.

На этот раз мы разговаривали довольно долго и танцевали контрданс на балу у Базилевских...

Он приехал с Кавказа и носил пехотную армейскую форму. Выражение лица его не изменилось — тот же мрачный взгляд, та же язвительная улыбка, когда он, небольшого роста и коренастый, танцевал, он напоминал армейского офицера, как изображают его в «Горе от ума» в сцене бала.

У него было болезненное самолюбие, которое причиняло ему живейшие страдания. Я думаю, что он не мог успокоиться от того, что не был красив.

В.И. Анненкова

Не было сомнения, что он, следуя тогдашней моде, напустил на себя известного рода байроновский жанр, с примесью других, еще худших чудачеств. И дорого же он заплатился за них!

И.С. Тургенев

Лермонтов хотел слыть во что бы то ни стало прежде всего за светского человека и оскорблялся точно так же, как Пушкин, если кто-нибудь рассматривал его как литератора.

И.И. Панаев.
Литературные воспоминания

Лермонтов сидел у чайного стола; вчерашняя веселость с него «соскочила», он показался мне бледнее и задумчивее обыкновенного. Я подошел к нему и выразил ему мое желание, мое нетерпение услышать тотчас вновь сочиненные им стихи.

Он нехотя поднялся со своего стула.

— Да я давно написал эту вещь, — проговорил он и подошел к окну.

Софья Карамзина, я и еще двое, трое из гостей окружили его; он оглянул нас всех беглым взглядом, потом точно задумался и медленно начал:

*На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане...*

И так далее».

**Граф В.А. Соллогуб,
беллетрист,
часто встречался с Лермонтовым в Петербурге.**

В 1839 году в журнале «Отечественные записки» Лермонтов опубликовал стихотворения «Дума», «Ветка Палестины», «Еврейская мелодия», «Три пальмы», «Дары Терека». В конце апреля 1840 года появилось отдельное издание романа «Герой нашего времени», в конце октября вышел в свет единственный прижизненный сборник стихотворений Лермонтова. В середине апреля того же года по личному указанию Николая I поручик Лермонтов был вторично выслан на Кавказ — переведен в Тенгинский пехотный полк за дуэль с сыном французского посла Эрнестом Барантом.

Печальный демон

В июне Лермонтов, зачисленный в Чеченский отряд генерала Галафеева, выехал из Ставрополя в крепость Грозную. В июле отряд выступил из Грозной и с боями продвигался по Чечне.

*Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Неволью сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Все, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу...*

Стихотворение «Валерик» (от чеченского «Валеран хи» — «смерти река») Лермонтов написал после крайне тяжелого сражения, обращаясь к Варваре Александровне Бахметевой, в девичестве — Лопухиной, в которую он долго был влюблен.

*...Вы едва ли
Вблизи когда нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать...*

Будучи офицером штаба, а позже — командиром «летучей сотни казаков», Лермонтов участвовал в нескольких военных экспедициях, «всегда первый на коне и последний на отдыхе», но император вычеркнул его фамилию из представлений к наградам, хотя разрешил ему двухмесячный отпуск.

В феврале 1841 года, как раз на масленицу, приехав в столицу, Лермонтов узнал, что все первое издание «Героя нашего времени» в книжных лавках раскуплено, а в новом номере «Отечественных записок» увидел свое стихотворение «Завещание»:

*Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить...*

Весной, возвращаясь в полк, он еще надеялся «заслуживать себе на Кавказе отставку», но в мае, в Пятигорске, подал рапорт о болезни и снял дом «на верхней городской площадке». По воспоминаниям хозяина дома В.И. Чилиева, Лермонтов «любил жить

открыто, редкий день, чтобы у него кого-нибудь не было. В особенности часто приходили к нему Мартынов, Глебов и князь Васильчиков, которые были с поэтом очень дружны, даже на «ты», обедали, гуляли и развлекались большею частью вместе. Но Лермонтов посещал их реже, нежели они его... Характер Лермонтова был — характер джентльмена, сознающего свое умственное превосходство; он был эгоистичен, сух, гибок и блестящ, как полоса полированной стали, подчас весел, непринужден и остроумен, подчас антипатичен, холоден и едок... Мартынов и Глебов жили по соседству в доме Верзилиных. Семейство Верзилиных было центром, где собиралась приехавшая на воды молодежь».

13 июля, после ссоры в доме Верзилиных, майор Мартынов вызвал поручика Лермонтова на дуэль. Секундантами согласились быть князь Васильчиков и корнет Глебов. Дуэль состоялась 15 июля, около семи часов вечера, в сильное ненастье, на поляне у подножия горы Машук. Предположительно, Лермонтов выстрелил в воздух, но Мартынов от своего выстрела не отказался. Возможно, Мартынов просто стрелял первым.

Чиляев вспоминал, что к ночи, когда Лермонтова привезли на его квартиру, «дом и двор мгновенно переполнился народом, дамы плакали, а некоторые мочили платки свои в крови убитого».

Через несколько месяцев, по просьбе Е.А. Арсеньевой, гроб с прахом Лермонтова был перевезен в Тарханы и захоронен в фамильной часовне.

Еще 13 апреля 1841 года, в Петербурге, Владимир Федорович Одоевский подарил Лермонтову записную книжку «с тем, чтобы он возвратил... ее сам, и всю исписанную». Книжку возвратил Одоевскому А.А. Хастатов, родственник поэта, в декабре 1843 года. Рукой Лермонтова в нее были вписаны последние из сочиненных им стихотворений: «Спор», «Сон», «Утес», «Тамара», «Листок», «Морская царевна», «Пророк», «Выхожу один я на дорогу...»